

УДК 94 (470.63).084.5

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2023.1.2>Т. А. Булыгина
Н. В. Романова

ПОПЫТКА РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЕКТА «НОВЫЙ СОВЕТСКИЙ ЧЕЛОВЕК» В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОТРЕБНОСТЕЙ. НА МАТЕРИАЛЕ ПОЛИТПРОСВЕТА СТАВРОПОЛЬСКОГО ОКРУГА В 1924–1925 гг.

В статье рассматривается процесс формирования системы партийно-государственного руководства культурно-просветительной работой на местах в контексте стратегической цели – создание «нового человека» коммунистического будущего. Выявлено, что в процессе осуществления этой цели в регионах на первый план выдвигалась задача соответствия действий местной власти формальным требованиям Центра и одновременно решались вопросы, которые вытекали из потребностей местного сообщества. Это проблемы финансирования, кадрового обеспечения культурно-просветительных учреждений и непосредственно их деятельности. Авторы подробно останавливаются на реконструкции основных направлений культурно-просветительской работы: школ, изб-читален, домов крестьянина, клубов, музеев, библиотек как инструментов просвещения и идейно-политического воздействия на взрослое, дееспособное население страны. Задача формирования «нового человека» на местах сводилась к конкретной социальной практике, которая не всегда с радостью принималась местным населением. Это с одной стороны, попытка преодолеть политическое невежество людей, особенно в деревне, а с другой, вся политико-просветительская деятельность рассматривалась как средство привлечения местных жителей к активной общественной работе. В определенной

мере это решало проблему «низовых» кадров и одновременно воспитывало лояльность к советской власти. Особое место в статье отведено ликвидации неграмотности, которая на практике в середине 1920-х годов проходила с большими трудностями при пассивности самого населения. В работе большое место уделяется финансированию всей этой деятельности, которое было переложено на региональные бюджеты. На Ставрополье они усугублялись бедностью окружного бюджета, отдаленностью округа от Центра и относительно поздним окончательным утверждением советской власти в регионе.

Ключевые слова: «новый человек», изба-читальня, политико-просветительная работа, культурно-просветительная работа, ликвидация неграмотности.

Для цитирования: Булыгина Т. А., Романова Н. В. Попытка реализации проекта «новый советский человек» в контексте региональных потребностей. На материале политпросвета Ставропольского округа в 1924–1925 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2023. Т. 10 (1). С. 19–28. DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.2

Финансирование: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-09-43048 «От «нового человека» до «советского народа»: идеология, опыт, проблемы советского проекта (1917–1985 годы)».

Tamara A. Bulygina
Nina V. Romanova

AN ATTEMPT TO IMPLEMENTATION «THE NEW SOVIET MAN» PROJECT IN THE CONTEXT OF REGIONAL NEEDS. ON THE MATERIAL OF POLITICAL EDUCATION OF THE STAVROPOL DISTRICT IN 1924–1925

The article deals with the process of party and state leadership in the area of cultural and educational work on the local level due to the strategic goal – upbringing «a new man» for communist future. It was revealed that in the process of implementing this goal in the regions, the task of matching the actions of local authorities with the formal requirements of the Center was brought to the fore and at the same time the issues that arose from the needs of the local community were resolved. Those were the difficulties of financial support, human resources at cultural and educational organizations and their work as well. The authors make the reconstruction of the main directions of cultural and educational work: schools, reading rooms, rural clubs, clubs, museums, libraries as the means for enlightenment and ideological and political influence on the adult, capable of functioning population of the country. On the local level the aim of the formation a "new man" was brought to a certain social practice, which was not always accepted with joy by the local population. On the one hand, it was an attempt to overcome the political ignorance of people, especially in the countryside, and on the other hand, all political and educational activities were seen as a means of attracting local residents to active social work. To a certain extent, it solved the problem linear personnel and fostered

loyalty to the Soviet authority. The authors pay great attention to the elimination of illiteracy, which faced with the passivity of the population in the middle of 1920s. In the work, a great place is given to the financing all these activities, which was shifted to the regional budgets. In Stavropol, they were enhanced by the poverty of the district budget, the remoteness of the district from the Center and the relatively late final establishment of Soviet power in the region.

Key words: «new man», reading room, political and educational work, cultural and educational work, elimination of illiteracy.

For citation: Bulygina T. A., Romanova N. V. An attempt to implementation «the new soviet man» project in the context of regional needs. On the material of political education of the Stavropol district in 1924–1925 // Humanities and law research. 2023. V. 10 (1). P. 19–28 (In Russian). DOI: 10.37493/2409-1030.2023.1.2

Financing: The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research within the scientific project No. 21-09-43048 «From the «new man» to the «Soviet people»: ideology, experience, problems of the Soviet project (1917–1985)».

Данная тема является весьма актуальной, поскольку в современной исторической науке история советского общества первой половины XX в. находится в стадии активной разработки. Не менее востребованы сегодня вопросы региональной истории, которая позволяет понять, как реализовывалась политика власти на местах с учетом их специфики и понимания задач Центра местным управленческим слоем. Наконец, сегодня активизировались проблемы воспитания молодых людей, их духовного состояния, а также задачи оформления российской гражданской идентичности. Поэтому специфика подобных задач, заложенных в проекте «новый человек», позволяет методом сравнительного анализа лучше понять процессы, происходящие в современном российском обществе и их особенности в условиях кризисов и переходов.

В связи с приближением 100-летия образования СССР в историографии актуализировались отдельные стороны истории становления нового общества. В частности, многие современные гуманитарии обратились к проекту большевистской власти о «новом человеке» [7; 14; 17; 18].

Большинство авторов обращали внимание на теоретическую разработку данной проблемы [1; 8; 15]. Гораздо меньше рассматриваются вопросы конкретной реализации проекта «новый человек» в различных контекстах советской политики на материалах различных регионов. При этом чаще всего встречаются культурные контексты [16], а вот локальные аспекты понимания и осуществления политики воспитания «нового человека» остаются в тени современных исследователей.

В то же время вопросы культурной политики 1920-х гг. в отдельных локальных пространствах изучены достаточно широко, но чаще вообще не связаны с проблемой «нового человека». Это позволяет предположить, что осмысление проекта местными активистами не выходило за рамки общих лозунгов о формировании человека коммунистического будущего. Превалировали практические потребности региона и стремление выполнить указания, спускаемые «сверху».

Окончание Гражданской войны знаменовалось не только военной победой большевиков, но и системным кризисом российского общества в тот момент. Экономические, политические и социокультурные трудности грозили гибелью советской власти. Поэтому и была принята весной 1921 г. новая экономическая политика, которая требовала более четких подходов к культурному строительству советской России. В свою очередь, стало очевидным, что культурный контекст становился одним из базовых основ успеха проекта «новый человек».

Военный триумф советского государства и одновременно серьезный политический и социальный кризис заставили власть в 1920-е гг. наряду

с экономическими реформами искать пути формирования нового человека. Поэтому можно говорить об усилении идеологического воздействия большевистского руководства на различные сферы культуры, особенно на образование. От эффективности политико-просветительской работы и образования в значительной степени зависело воспитание людей в духе коммунистической идеологии. Вот почему сфера просвещения была ареной для проведения различных экспериментов от рабфаков до педологии.

Изучение осуществления культурного строительства тех лет в регионах помогает понять неосуществимость этого проекта как некоей абстрактной схемы, реальные трудности, связанные как с общей обстановкой в стране, так и с локальными особенностями местных сообществ. Тогда общие фразы о трудных экономических условиях, национальной специфике, о низком уровне грамотности населения наполняются живым содержанием.

Цель работы – на основе анализа источников и литературы, показать особенности реализации проекта «новый человек» в контексте проведения культурной политики власти в годы НЭПа в Ставропольском округе на примере деятельности сети политпросвет учреждений. 1924–1925 гг. для Ставрополя стали первым полноценным временем реализации на практике новой экономической политики из-за отдаленности региона от Центра, но главное, несмотря на неурожай 1924 г., в этот период регион стал оправляться от последствий голода.

В.И. Ленин в одной из последних заметок отмечал, что «для нас достаточно теперь этой культурной революции для того, чтобы оказаться вполне социалистической страной, но для нас эта культурная революция представляет неимоверные трудности и чисто культурного свойства (ибо мы безграмотны), и свойства материального (ибо для того, чтобы быть культурными, нужно известное развитие материальных средств производства, нужна известная материальная база)» [11, с. 377]. Таким образом, культурная революция, по его мнению – один из основных инструментов строительства нового общества, в котором и действует «новый человек». Следовательно, ближайшая политика большевистской власти состояла в обеспечении грамотности всего населения советской республики. Так родилась политика ликвидации неграмотности: «Безграмотный человек стоит вне политики, его сначала надо научить азбуке. Без этого не может быть политики, без этого есть только слухи, сплетни, сказки, предрассудки, но не политика» [12, с.174].

Строить социалистическое общество предстояло не в будущем, когда молодое поколение подрастет, а сразу после установления советской власти. Вот почему надо было срочно ликвиди-

ровать неграмотность среди широких слоев российского общества, включая взрослое население. Только через грамотность можно было говорить о внедрении коммунистических идеалов в массы как условия строительства социализма. Последний процесс был официально объединен термином «политико-просветительная работа». Именно ликвидация неграмотности и политико-просветительная работа на местах рассматривались как ближайшие практические задачи дня.

В своём первом выступлении в качестве народного комиссара просвещения А.В. Луначарский подчёркивал необходимость создания сети специальных учреждений для образования и просвещения взрослых [13, с.8]. В конце 1920 г. в РСФСР в структуре Народного комиссариата просвещения было создано Главное политико-просветительное управление (Главполитпросвет), основной задачей которого была агитационно-пропагандистская и политико-просветительная работа среди взрослого населения через создание сети политико-просветительских учреждений. В Ставропольском округе, как аграрном регионе в 1924–1925 гг. в эту сеть, в первую очередь, входили избы-читальни, Дома Крестьянина, библиотеки-передвижки, выставки-передвижки. Кроме того, эта сеть охватывала красные уголки, клубы, Народные Дома, библиотеки, школы политграмоты, пункты ликвидации неграмотности, школы малограмотных, курсы пропагандистов, музеи, кино, театры.

1922 – 1923 хозяйственный год на Ставрополье был отмечен трагическими последствиями голода, который внес качественные поправки в планы политико-просветительной работы и ликвидации неграмотности. В этих условиях Ставропольский Окружной Отдел народного образования (Окроно) в 1923–1924 гг. имел меньше четверти окружного бюджета, поэтому заработная плата у школьного работника 1 ступени (начальная школа) составляла 29 рублей, учителей 2 ступени (семилетка и десятилетка) – 34 рубля, а у воспитателя детского дома – 42 рубля.

В 1924–1925 учебном году ситуация в регионе несколько улучшилась. В связи с этим бюджет Окроно составил более трети окружного бюджета, а зарплаты работников увеличились соответственно приведенным до 35, 40, и 45 рублей. Наряду с этим была более логично оформлена организационная структура образовательных учреждений, оживилась методическая работа. Тем не менее, работники политпросвещения продолжали из-за нехватки кадров совмещать различные должности в различных сферах, что не позволяло качественно выполнять работу политико-просветительных учреждений. В целом продолжалась практика недофинансирования таких учреждений, когда работа в выходные дни не оплачивалась, материально-техническая база их была примитивной.

Отдел народного образования также страдал от этих недостатков. Тем не менее, в 1924–1925 гг. были обозначены текущие задачи местной власти, гораздо больше приближенные к местной практике, чем в начале 1920-х гг. В значительной степени – это организация и методика учебного процесса, а также привлечение к политико-просветительной работе широких крестьянских масс. В частности, речь шла о применении учебных программ государственного ученого совета (ГУС) для школ первой и второй ступеней к местным условиям. Кроме того, среди этих задач было материальное и организационное укрепление сети учреждений данного профиля. Наконец, привлечение сельского актива к политико-просветительным мероприятиям как путь вовлечения в них всех крестьян. [4, л. 383].

В округе в это связи начался практический переход школ 1 ступени на ГУСовские программы, что, по мнению местного руководства, обеспечивало «...сдвиг учительства в сторону смычки с Коммунистической партией и Советской властью», который нашел отражение в среде Ставропольского учительства. [4, л. 383 об.]. Сведения с мест и обследования отдаленных районов, проведенные ответственными работниками Окроно, показывали, что в своей массе местные учителя живо откликались на перестройку школьной системы. Об этом свидетельствовало массовое стремление работников школы пройти летние курсы по переподготовке, а также прилежание и добросовестность участников этих курсов при усвоении учебной программы. Например, Медвеженский районный исполком Ставропольского округа для обеспечения провел двухнедельные конференции-курсы, на которых были проработаны методы преподавания в школе и участие учителя в общественной работе, т.е. имелось в виду обеспечение школ более квалифицированными педагогами, но пропагандистами советской идеологии как среди детей, так и среди взрослых жителей своего поселения. Как говорилось в отчете окружного роно, «учитель определенно становится и общественником и принимает участие во всех видах культурной работы на селе». В то же время отмечалось, что общественно-политическая работа учителя носила, особенно в начале учебного года, стихийный характер без плана «сверху», поэтому в основном она была «ответом на культурные запросы села», одновременно демонстрировало «бескорыстную готовность учительства послужить деревне» [4, л. 383 об.].

Окружной исполком из местного бюджета потратил на организацию курсов переподготовки учителей немалые деньги – 2000 рублей. Кроме того, принимались все меры к расширению сети учреждений народного просвещения, в результате чего сеть школ была увеличена к началу 1925–1926 учебного года на 15 комплектов.

[4, л. 201–201об.]. Вместе с тем, в это время в регионе оставалась проблема нехватки школьной сети в связи с демографическим взрывом предреволюционных лет, вызвавшем необыкновенный наплыв детей: «Школа бралась приступом, очень большое количество детей осталось за бортом школы, население экономически сильных районов само стало открывать школы за свои средства, таких было 24». [4, л. 384].

Существенной проблемой Ставрополя в 1920-е гг. был «учительский голод». Учителя переезжали в соседние регионы не только из-за низких ставок в округе, но и из-за задержки зарплат учителям до 6-8 месяцев. Местные управленцы объясняли дефицитом бюджета Ставрополя, но старались исправить положение. По прошествии 3 лет после голода в регионе стала восстанавливаться экономика, и это сразу же отразилось на материальном обеспечении работников школ и культурно-просветительских учреждений. В 1925 году задержки заработной платы практически прекратились [4, л. 384].

Наряду с организацией образовательных школ разного уровня в деле воспитания «нового человека» особую роль играла система ликвидации неграмотности как база реализации этого проекта. Механизм ликвидации неграмотности был запущен Декретом совнаркома в конце 1919 г. [6, с.50]. Декрет обозначил главную задачу на тот момент – обеспечить возможность сознательного участия в политической жизни страны». Таким образом, ликвидация неграмотности рассматривалась как инструмент воспитания «нового человека». Для этого по всему округу была создана сеть учреждений. К примеру, в Петровском районе работала инструктивная школа ликвидации безграмотности для организаторов этой работы. О необходимости такой школы свидетельствует состав самих ликвидаторов. Среди них окончили среднюю школу 10 человек и 13 не окончили. 8 закончили высшее начальное училище. Только 1 человек закончил рабфак и 2 двухклассное классное училище. Еще хуже дело обстояло с профессиональными педагогами. Всего один работник закончил учительскую семинарию, 4 человека – двухгодичные педагогические курсы. 1 человек обучался на Ставропольских месячных курсах по подготовке ликвидаторов. Из работников по ликвидации неграмотности в районе 18 человек не имели педагогического стажа. Поэтому в инструкторской школе вели методический кружок для ликвидаторов из сел.

Кроме того, работали 28 пунктов ликвидации неграмотности в селах района, а также 5 школ обучения малограмотных, обучение в которых было рассчитано на 5 месяцев. Поскольку одним из негативных последствий работы ликвидаторов были рецидивы неграмотности, учеников ликпун-

ктов втягивали в общественную работу, для чего прикрепляли их к избам-читальням, библиотекам. В районе также было организовано общество «Долой неграмотность», которое объединяло 19 ячеек, в которых состояли 774 человека. На общественных началах оно открыло 12 пунктов и групп по ликвидации неграмотности и 1 школа для малограмотных. На переданные в окружную чрезвычайную комиссию по борьбе с неграмотностью (грамчека) 208 рублей 39 копеек были закуплены буквари, тетради и карандаши. Однако методической литературы, вроде подготовленной в краевой комсомольской организации [3], не хватало. материальное положение ликвидаторов неграмотности было плачевным. Так, рядовой ликвидатор за работу получал 14 рублей 91 копейку, ликвидатор-организатор – 24 рубля 83 копейки. Как правило, эта оплата проводилась не более полугода. [4, л. 415 об.].

Наряду с учителями школ проводниками, идеи «нового человека» должны были стать работники системы культурно-просветительской работы. Местную власть не устраивал не только уровень их элементарной грамотности, т.к. к работе культурно-просветительских учреждений часто привлекались люди малограмотные, но лояльные новой власти. На первое место, судя по первичным архивным документам, выдвигалась политическая подготовка. Необходимо было не просто поддерживать советскую власть, но и уметь убедительно и грамотно разъяснять населению народный характер политики большевиков, значение революции и проч. Поэтому все внимание местной власти было сосредоточено на том, чтобы поднять образовательный, культурный и политический уровень этих работников. В 1924 г. были проведены первые окружные курсы политпросветработников [4, л.384]. В дальнейшем такая форма подготовки кадров в этой области стала традиционной и постоянно совершенствовалась.

В следующем, 1925 г. окружные курсы переподготовки прошли с 10 августа по 15 сентября, на которых занимались 72 человека. Это были 40 избачей, 8 библиотекарей и 24 человека, командированных районными исполкомами без определенной специальности и работы. Курсы имели три цикла: производственно-краеведческий, общего политического образования, и практики политпросветработы. Первый цикл включал элементарные знания об индивидуальном крестьянском хозяйстве (бедняцкое, середняцкое, зажиточное), о коллективном хозяйстве (коммуна), о жизни Ставропольского села в целом. Этот курс охватывал 108 часов. Во втором цикле слушатели в течение 18 часов изучали теоретические основы ленинизма, т.е. идеологические вопросы. Наконец, третий цикл знакомил участников курсов с организационными и методическими вопросами культурно-просветительской работы. На

это цикл было отведено 160 часов. Цикл включал организацию пропаганды агрономических знаний среди населения и антирелигиозной пропаганды, ликвидации неграмотности, проведение. Слушатели учились, вести работу справочного стола, как работать с газетой, как проводить художественную работу на селе, технике. Определенное место отводилось и методике библиотечного дела [4, л. 395 об.]. Программа этих курсов послужила основой для создания системы подготовки работников такого профиля в 1925 – 1926 гг.

Распределение учебных часов свидетельствует, что местные органы власти были, прежде всего, заинтересованы в подготовке практических работников, поэтому самый большой объем часов и был отведен выработке практических навыков работников, а также знанию среды, в которой приходилось им работать. Идеино-теоретические вопросы, судя по учебному плану (18 часов!), с одной стороны, были формальным дополнением на курсах, а с другой стороны, сотрудники ведомства понимали, что основная масса курсантов малограмотна, в силу этого не способна освоить сложный учебный предмет.

Наряду с окружными проводились и районные курсы переподготовки. В 8 районах округа были проведены недельные районные курсы переподготовки политпросветработников, объединившие 300 слушателей. Кроме того, осенью 1925 г. были проведены 8 районных конференций, в задачи которых входило обсуждение вопросов, связанных с подготовкой и проведением работы политико-просветительскими учреждениями. Проводились и окружные совещания политпросветработников: 4 января 1925 г., на котором присутствовали 31 человек, и 28 мая этого года, где присутствовали 35 представителей первичных политико-просветительских учреждений. На Окружном совещании был принят ряд директив, которые были учтены в плане работы политпросвета. Наряду с общими рассуждениями о грандиозных задачах работников политпросвета, ставилась задача организационного обеспечения выполнения единого плана политико-просветительской работы, укрепления материально-технической базы и расширение сети этих учреждений, меры по укреплению их кадров. Наконец, речь шла об укреплении местного руководства этой работой через систему инспекторов районных политпросветов. [4, л. 396]. Такие совещания призваны были корректировать работу в районах, консультировать ответственных за политико-просветительскую работу непосредственно на местах, придать работе единообразный характер.

Вместе с многопрофильными курсами, какие, например, были проведены для 34 человек в Александровском районе в октябре 1924 г. объемом 80 часов, организовывались и курсы по разным профилям работы. Так, в декабре 1924 г. там

же прошло однодневное совещание по вопросам политпросвета в деревне, а в феврале 1925 г. было организовано пятидневное совещание библиотекарей, клубных работников, членов методических комиссий и уполномоченных инспекторов народного просвещения. В январе 1926 г. состоялась пятидневная конференция, в которой принимали участие избачи-библиотекари, секретари сельскохозяйственных и политических кружков – всего 48 человек. [4, л. 637 об.].

Одной из существенных проблем организации работы политпросвета была не только нехватка и текучесть кадров работников в учреждениях, но и частая сменяемость кадров работников аппарата районного масштаба. В 1924–1925 гг. в Ставропольском округе не было ни одного инспектора, который бы проработал полный год на одном месте. Что касается первичного звена, то за указанное время из 140 штатных работников изб-читален в округе числилось 125 человек, работников клубов из 38 работали 14, в библиотеках из 70 штата – 59. Еще плачевнее была картина ликвидации неграмотности. К примеру, в пунктах ликвидации неграмотности работали 248 человек вместо 464 по штату.

Еще в 1919 г. была создана система советско-партийных школ уездного уровня. Для Ставропольского округа в 1925 г. был выделен штат 21 человек, но в вечерней советско-партийной школе, которая была единственной в округе, работал 1 человек, хотя при нехватке подготовленных кадров управленцев и пропагандистов в этом окраинном регионе это было актуальным, т.к. уровень грамотности здесь был ниже, чем по стране. Всего по стране в 1925 г. открылось 179 уездных и 67 губернских советско-партийных школ с контингентом обучавшихся 26 тыс. человек. Неблагополучное положение с кадрами было и в учреждениях культуры. Например, в музее из 20 положенных по штату единиц работали 2 человека. Столько же работали в кинотеатрах вместо 14 штатных единиц.

Архивы свидетельствуют, что на местах пришлось корректировать планы Центра, т.к. центральное руководство зачастую не учитывало специфику региона. Так, в округе не был предусмотрен штат школ для малограмотных, но потребность в такой форме была высокой, и на местном бюджете в этих школах работали 35 человек вне штата. Были также созданы курсы пропагандистов, не предусмотренные штатом. [4, л. 394].

Содержание всей системы образовательных, культурных и политико-просветительских учреждений включало различные направления. Однако в разных регионах она имела свою специфику. Одним из важных направлений было обслуживание всех кампаний по Красному календарю. Эта работа при всей своей формальности призвана была, во-первых, изменить праздничные традиции, повседневность жителей советского государства и главное, стереть из памяти прежние

православные традиции. Новый праздничный календарь закладывал основы иной коллективной памяти. Речь шла о подготовке и проведении праздников к годовщине Октябрьской революции, 1 мая, 8 марта, День Красной армии и проч. Как отмечалось в отчете Окружного политпросвета, подобные мероприятия носили «поверхностный характер». Руководители Ставропольского агитпропа считали причиной этого отсутствие серьезного руководства, а также неопытность работников при нехватке методической литературы.

В 1925 г. в регионе легче было организовать кружковую работу. Это было связано, по-видимому, с небольшим наполнением кружков, что облегчало задачи работников политпросвета. Наиболее распространена была учеба в сельскохозяйственных кружках, которых по округу насчитывалось 70, чуть меньше, 65 было политических кружков. Были в небольшом количестве кружки безбожников, Ленинский кружок, естественно-научные кружки. Большим минусом работы этих кружков было отсутствие учебных принадлежностей и пособий. Это снижало качество преподавания, т. к. руководители этих кружков зачастую были подготовлены слабо. Распространенным методом работы был метод готовых знаний (беседа, лекция, доклад).

Как показывала практика первых лет советской власти, в деревне не хватало ни средств, ни востребованности в книгах на то, чтобы организовывать сельские библиотеки. Более эффективным для работы среди крестьян оказались избы-читальни. При переходе к новой экономической политике и переводе культурно-просветительских учреждений на местный бюджет, избы-читальни, как констатировал XI съезд РКП(б) в марте 1922 г., «почти повсеместно упразднены». На съезде было признано необходимым возрождение избы-читален, «которые должны быть поставлены в центре всей политико-просветительной работы в деревне». Финансирование избы-читален из местных средств губернских и областных исполкомов должно было дополняться средствами кооперативов, контролируемые политпросветами. [9, с. 527]. В мае этого года вышел специальный циркуляр о возрождении избы-читален. [19].

1924–1925 г. на Ставрополье стали периодом восстановления и организационного укрепления этих учреждений. Наиболее распространенным направлением в деятельности избы-читален была справочная работа как одна из основных форм политико-просветительной работы в селе. Именно желанием получить ответы на различные вопросы избы-читальни привлекали в те годы крестьян. За 1925 г. по округу было дано 890 справок. По содержанию на первом месте были справки чисто юридического характера, особенно судебные, которые составляли 50 % всех запросов. В целом же систематического анализа справоч-

ной работы не велось, т. к. отсутствовал ее учет. Работники избы-читален не имели пособий для организации такой работы.

Это подтверждается работой избы-читален в отдельных районах Ставрополья. Например, отсутствие достаточных бюджетных ассигнований в Александровском районе и нежелание населения организовать общественную благотворительность, особенно из неурожая 1924 г., когда надо было организовать государственную помощь самому населению, избы-читальни стояли полуразрушенные, в полном запустении. В 1925 г. довольно значительный урожай дал возможность уделить внимание и избам-читальням, ремонту помещений избы-читален, снабжению их самой необходимой мебелью. Избы-читальни были отремонтированы и «приняли более приличный вид, способный более или менее лучше расположить посетителя к литературному отдыху». [4, л. 637 об]. В целом в районе работали 2 районная опорная библиотека, 1 клуб в районном центре, 12 избы-читален в селах, а на окраинах сел – 25 Красных уголков. В селах Александровское, Круглолесское, в хуторе Дубовом инициаторами организации красных уголков становились сами жители. [4, л. 636 об].

Одним из средств идейно-политического воспитания в то время становилась периодическая печать и стенные газеты. Местное руководство Ставропольского округа отмечало, что использование периодической печати, в частности, газет в работе избы-читален незначительное. По всей вероятности, виной этому была низкая грамотность и даже неграмотность населения, когда для многих газета была бумагой годной на обертку или самокрутку, но и самих работников, а также тяжелое финансовое положение, не позволявшее выписывать большое количество периодики. В большинстве случаев эта работа сводилась к вербовке подписчиков на крестьянские газеты. [4, л. 395]. По округу на 100 душ взрослого населения приходилось по 1 газете – всего 5541 экземпляров. Кроме того, по округу постоянно действовали 112 газет. Для пропаганды стенной печати при музее Права в 1925 г. была организована выставка стенных газет. Региональный агитпроп был крайне недоволен разнообразием содержания стенной печати, т.к. было трудно в этом направлении унифицировать работу по реализации решений партийно-государственной власти. Периодическая печать, особенно местная, была тесно связана с деятельностью рабкоров и селькоров. Избы-читальни, по мнению местного политпросвета, не были связаны с селькорами.

Существовали и другие формы идеологической работы среди крестьянства. В условиях, когда большинство крестьян были единоличниками, приходилось искать новые пути к их сознанию. Вплоть до развертывания сплошной коллективи-

зации централизация и унификация этой работы была на практике невозможна. К примеру, кроме изб-читален в селах большое распространение и полное признание со стороны крестьянства получили Красные уголки, которые располагались, как правило, по окраинам сел. Здесь проводились мероприятия, знакомые и понятные крестьянину: громкая читка газет, беседы о текущем политическом моменте, кружки агротехнической грамоты. Кроме того, в них работали не приезжие из районов и округа начальники, а свои же односельчане на добровольных началах – учителя агрономы, поселковый комсомольский и партийный актив. Окружной политпросвет для воспитания «нового человека» из «мелкобуржуазных» крестьян использовал даже Дома крестьянина, которых насчитывалось 4 по округу. Для Ставропольского Дома крестьянина политпросвет даже выделил специального человека из собственного штата для проведения политико-просветительской работы. [4, л.395 об.]. Дома крестьянина были организованы в некоторых районах, например, в Петровском районе. При нем был организован справочный стол для удовлетворения нужд и запросов беднейшего крестьянства, где также проводились лекции и беседы. [4, л. 415].

При всем многообразии поисков новых форм воспитательной просветительской работы с местными жителями центром этой работы оставались библиотеки. На Ставрополье в 1925 г., судя по официальной статистике по городу и районам читателям было выдано около 2000 книг. Именно в библиотеках велась подписка на газеты различного уровня и профиля – 2210 человек, проводились книжные выставки, организовывались громкие читки, а в библиотеках Ставрополя и Ставропольского, Туркменского и Московского районов были подготовлены 12 стенных газет. [4, л. 396 об.]. В библиотеках же готовились наглядные пособия, в частности плакаты. В некоторых библиотеках создавался актив читателей, не только для оживления работы библиотек, но и для привлечения новых читателей из жителей районов и сел. Так, в Петровском районе при районной библиотеке была организована ячейка «Друзья книги».

Вместе с тем, именно в тот период даже на уровне районов внедрялась система цензуры библиотечных фондов. Надо напомнить, что система политической цензуры стала складываться в многоступенчатую организацию с начала 1920-х гг., когда было создано Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит), выполнявший функции государственной цензуры. Именно в середине 1920-х гг. закладывалась местная сеть этого учреждения. В областях, краях и округах при отделах народного образования создавались органы Главлита, а в уездах и районах назначались инспекторы и уполномоченные этих органов. Организация и материальное по-

ложение их сотрудников было тогда плачевным. Кадры формировались в основном из совместителей. Так, в Петровском районе имелся один уполномоченный, работник местного райкома партии, который работал по совместительству. Работа осуществлялась на общественных началах, хотя и звучала торжественно «райлит», денежно не обеспеченная. Поэтому все сводилось к чистке, т.е. изъятию книг из районной библиотеки в сентябре 1925 г. При этом иностранные газеты и журналы не проверялись. В основном уполномоченный выдавал разрешение на показ кинофильмов и пьес, которые уже были разрешены центральной репертуарной комиссией. Репертуар постановок в избах-читальнях и красных уголках не проверялся, т. к. для этого не было кадров. Районную типографию контролировать не было смысла, т. к. здесь печаталась в основном рекламная продукция и плакаты, а никакой издательской деятельности в районе не велось. [4, л. 415].

По мере возможностей велась работа по повышению квалификации библиотекарей. Например, подготовка и переподготовка библиотечных работников города Ставрополя велась на кружковых занятиях библиотечного объединения. Это объединение было организовано и работало по определенному плану, заранее разработанному и утвержденному.

Несмотря на то, что округ был полностью аграрным, его центром был город Ставрополь, поэтому здесь существовала своя специфика просветительской работы. С одной стороны, город с дореволюционных времен имел два экономических и социокультурных среза [2]. Центральная часть города была занята в основном учреждениями и советскими чиновниками. К ним примыкала промышленная и торговая часть с его владельцами, управляющими и работниками, составлявшая городское население. Здесь в основном были организованы клубы. Окраинные районы были населены крестьянами – производителями сельскохозяйственной продукции. Не случайно перед Ставропольским городским советом вставала неразрешимая проблема налогообложения, т.к. окраинное население попадало под двойной пресс: единый сельхозналог и одновременно городские налоги. В ходе сплошной коллективизации было раскулачено более 300 семей Ставрополя, а на территории города были созданы 3 колхоза. Для такого крестьянского населения городских окраин организовывались изб-читальни. Всего в городе в 1925 г. работали 14 клубов и изб-читален.

Управление политико-воспитательной работой среди населения сосредоточилась в Окружном политпросвете. На селе руководство этим направлением осуществляли созданные в эти годы сельские комитеты пролитпросвета. Например, только в 3 селах Петровского района не было

таких комитетов. Однако работа почти не велась. Все эти сельские политпросветы объединяли 18 изб-читален и 4 библиотеки со штатом 22 человека. За 1925 г. не было проведено ни одного совещания, ни одной конференции. Связь с округом выражалась только в письменных директивах. Инструкции приходили либо поздно, либо вообще отсутствовали. Из-за скудного окружного бюджета средства политпросвета были незначительными, о чем свидетельствует их распределение по статьям. Львиную долю составляли расходы на оплату труда. Так, из 10674,28 рублей, полученных для работы политпросвета Петровского района, 8904,21 рубля было предназначено на заработную плату для избачей и библиотекарей. Остальные 242 рубля ушли на хозяйственные нужды. Такая же картина имела место и в работе пунктов ликвидации неграмотности (ликпунктов), где на зарплату сотрудников приходилось 5800 рублей, а на закупку учебных пособий – 751,19 рублей. [4, л. 414].

Обращает на себя внимание характер литературы, которую политпросвет Петровского района с помощью районного исполнительного комитета закупил на 8400 рублей. Из этих средств 7000 рублей было потрачено не на политические, не на агитационно-пропагандистские книги, а на литературу сельскохозяйственного профиля. Во-первых, это определялось реальным спросом хозяйствующих крестьян, которые надеялись улучшить результаты своего труда за счет повышения агротехнической грамотности, а также получить полезные советы, перенять опыт. Во-вторых, местные руководители были заинтересованы в росте районной экономики, в полном выполнении планов по Единому сельхозналогу и проч. Становится ясным, что выдвижение центральной властью на первый план задач политико-просветительской работы в условиях нэпа в регионе расходилось с представлениями на местах о текущих задачах. Это подтверждается и тематикой бесед в планах работы изб-читален того же Петровского района, которые проводились силами педагогов, агрономов, сельского актива и по большей части были посвящены сельскому хозяйству и животноводству.

На примере этого района можно сделать еще одно наблюдение: качество работы политико-просветительских учреждений на селе напрямую зависело от действительной помощи местным политпросветам от вышестоящих инстанций. При проверке изб-читален в районе комиссия отметила хорошее качество мероприятий в изб-читальнях сел Константиновское и Шведино. Этим определялся интерес жителей этих сел к ним. Оказалось, что над Константиновском осуществлялось шефство месткома окружного исполкома, а над Шведино – административное отделение райисполкома. Шефы снабжали изб-читальни литературой, выписывали газеты,

помогали своими кадрами, которые приезжали в село во время проведения политических кампаний. [4, л. 415].

Сравнительный анализ реального положения в районах и селах Ставрополя и планов окружного политпросвета свидетельствует, что намерения власти о создании «новых людей» серьезно корректировались не только местными условиями, но и местными трудностями. К примеру, Ставропольский окружной политпросвет планировал обследовать в течение полугода работу 9 районов, но реально на это не хватило ни кадровых сил, ни материальных возможностей. По рекомендации Главполитпросвета предлагалось наладить отчетность политико-просветительных учреждений на местах и внести в их деятельность плановое начало, но эта задача из-за нехватки работников, их перегруженности другой работой, решалась крайне медленно. Предлагалось на каждое заседание Коллегии политпросвета приглашать одного районного инспектора с отчетом, но как свидетельствуют протоколы, этот порядок не соблюдался по тем же причинам.

Надо отметить еще несколько обстоятельств. Успех политической работы зависел от понимания важности политико-просветительской работы сотрудниками различных государственных органов, которые были больше заняты текущими хозяйственными заботами, а не политическим воспитанием людей. Вторым обстоятельством реализации этих планов была заинтересованность местных жителей в том или ином мероприятии. Это подтверждается достаточно активным процессом создания красных уголков в сельсоветах, коммунах, артелях. [5, л. 23]. Кроме того, окружной политпросвет следил за развитием библиотечных сетей. В частности, тогда развернулась организационная работа по созданию библиотек передвижек, в регионе в основном для снабжения литературы работников села – на полевых станах, на фермах, в бригадах, на кошах. Местная власть при нищете кадров и бюджета большие надежды возлагала на активистов, для чего контролировалась деятельность библиотечных, клубных, художественных советов. Для этого было предписано проводить заседания таких советов не реже одного раза в неделю. В действительности эти сроки часто нарушались из-за объективных обстоятельств: перегруженность другой работой, чрезвычайные погодные условия и проч. [5, л. 24].

На основании анализа источников можно свидетельствовать, что политика советской власти, направленная на реализацию проекта «новый человек», отражала намерения Центра реализовать теоретические идеи о перевоспитании населения СССР, исходя из конкретных условий развития страны. Речь шла о неграмотности большей части сельских жителей советского государства, что стало основой политической

неграмотности, финансовые и материальные трудности, кадровая неподготовленность. На уровне локальных сообществ эти задачи реализовывались через региональную и личную повседневность, когда грандиозность декларируемых задач преобразовывалась в конкретные меры, связанные с местными условиями и с повседневными потребностями выживания того

или иного микросообщества. С другой стороны, как это показывали конкретные формы ликвидации неграмотности и политического просвещения, поиски наиболее эффективных форм работы в первичном звене общества, иногда становились основой для новых методов и форм создания «нового человека» во всесоюзном масштабе.

Литература

1. Амбарцумян К. Р. Концепт «новый человек» в советском идеологическом дискурсе 1920-х гг. // Дискурсы «новый человек» и «советский народ» как общность в социокультурном пространстве СССР: Междисциплинарный сборник научных статей. Ставрополь: СЕКВОЙЯ, 2022. С.18–39.
2. Булыгина Т. А., Судавцов Н. Д. Городская и сельская идентичность в городском пространстве Ставрополя // Вестник Ставропольского государственного университета. 2011. №77 (6). С. 31–37.
3. ВЛКСМ. Как организовать и проводить индивидуально-групповое обучение неграмотных. (К членам ВЛКСМ, членам сельсоветов, селитпросветкомов, избачам, учительству, членам ОДН, всем культурным силам). Ростов н/Д: Б. и., 1928. 8 с.
4. Государственный архив Ставропольского края (далее – ГАСК). ФР.299 Оп.1. Д. 357.
5. ГАСК. ФР. 300 Оп.1. Д. 414.
6. Декрет Совета Народных Комиссаров «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 г. // Декреты Советской власти. Т. VI. 10 декабря 1919 г. – 31 марта 1920 г. М.: Политиздат, 1975. 545 с.
7. Дискурсы «новый человек» и «советский народ» как общность в социокультурном пространстве СССР: Междисциплинарный сборник научных статей. Ставрополь: СЕКВОЙЯ, 2022. 278 с.
8. Ермаков Ю. А. Формирование «нового человека»: советские технологии // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1. Проблемы образования, науки и культуры. 2014. №3 (129). С.188–205.
9. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и Пленумов ЦК (1898–1988). 9-е изд., доп и испр. Т.2: 1917–1922. М.: Издательство политической литературы, 1983. 606 с.
11. Ленин В. И. О кооперации // Полное собрание сочинений. Т. 45. М.: Политиздат, 1970.
12. Ленин В. И. Новая экономическая политика и задачи политпросветов Доклад на II всероссийском съезде политпросветов 17 октября 1921 г. // Полное собрание сочинений. Т. 44. М.: Политиздат, 1970.
13. Луначарский А. В. Обращение народного комиссара по просвещению 29 октября 1917 г. // Народное образование в СССР. Общеобразовательная школа. Сборник документов. 1917–1973 гг. М.: Педагогика, 1974. С.8.
14. Молостова Е. С. Модели «Нового человека» в советский период: подступы к трансгуманизму // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия Философия. Социология. Право. 2014. Вып.28. № 9. С. 168–175.
15. Новиков С. Г. Проектирование «нового человека» в советской России 1920-х годов // Отечественная и зарубежная педагогика. Том 1. 2019. № 1(57). С.161–174.
16. Слепухин В. В. «Новый» человек в советской культурной политике 1920–1930-х годов // Культура и цивилизация. 2017. Том 7. № 5А. С. 604–609.
17. Соболева А. Н. Формирование образа героя и образа врага у советской молодежи в 1920–1930-е гг. // Политика и Общество. 2017. № 10. С. 37–46.
18. Фишева А. А. Концепт «нового человека» в советской социальной политике 1920-х годов // Научнотехнические ведомости. СПбГПУ. Гуманитарные и общественные науки. 2019. Т.10. №1. С. 37–46.
19. Циркуляр ЦК. РКП(б) «Восстановление изб-читален» // Правда. 1922. 30 мая (№ 118).

References

1. Ambarcumjan K. R. Koncept «novyj chelovek» v sovetskom ideologicheskom diskurse 1920-h gg. (The concept of «new man» in the Soviet ideological discourse of the 1920s.) // Diskursy «novyj chelovek» i «sovetskij narod» kak obshhnost' v sociokul'turnom prostranstve SSSR: Mezhdisciplinarnyj sbornik nauchnyh statej. Stavropol': SEKVOJJa, 2022. P. 18–39. (In Russian).
2. Bulygina T. A., Sudavcov N. D. Gorodskaja i sel'skaja identichnost' v gorodskom prostranstve Stavropolja (Urban and rural identity in the urban space of Stavropol) // Vestnik Stavropol'skogo gosudarstvennogo universiteta. 2011. No. 77 (6). P. 31–37. (In Russian).
3. VLKSM. Kak organizovat' i provodit' individual'no-gruppovoe obuchenie negramotnyh. (K chlenam VLKSM, chlenam sel'sovetov, sel'politprosvetkomov, izbacham, uchitel'stvu, chlenam ODN, vsem kul'turnym silam) (Komsomol. How to organize and conduct individual-group training of the illiterate. (To members of the Komsomol, members of village councils, village political enlightenment committees, huts, teachers, members of the Society Down with illiteracy, all cultural forces). Rostov-on Don, 1928. 8 p. (In Russian).
4. State archive of Stavropol region (GASK). FR.299 Inv.1. D. 357. (In Russian).
5. GASK. FR. 300. Inv.1. D. 414. (In Russian).
6. Dekret Soveta Narodnyh Komissarov «O likvidacii bezgramotnosti sredi naselenija RSFSR» ot 26 dekabrja 1919 g. (Decree of the Council of People's Commissars «On the elimination of illiteracy among the population of the RSFSR» of December 26, 1919) // Dekrety Sovetskoy vlasti. T. VI. 10 dekabrja 1919 g. – 31 marta 1920 g. Moscow: Politizdat, 1975. 545 p. (In Russian).
7. Diskursy «novyj chelovek» i «sovetskij narod» kak obshhnost' v sociokul'turnom prostranstve SSSR (Discourses «New Man» and «Soviet People» as a Community in the Socio-Cultural Space of the USSR): Interdisciplinary Collection of Scientific Articles. Stavropol': SEKVOJJa, 2022. 278 p. (In Russian).

8. Ermakov Ju. A. Formirovanie «novogo cheloveka»: sovetskie tehnologii (Formation of the «new man»: Soviet technologies) // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya. 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury. 2014. No. 3 (129). P. 188–205. (In Russian).
9. Kommunisticheskaja partija Sovetskogo Sojuza v rezoljucijah i reshenijah s#ezdov, konferencij i Plenumov CK (1898–1988) (The Communist Party of the Soviet Union in the resolutions and decisions of congresses, conferences and Plenums of the Central Committee (1898–1988). Vol. 2: 1917–1922. Moscow: Izdatel'stvo politicheskoy literatury, 1983. 606 s. (In Russian).
11. Lenin V. I. O kooperacii (On cooperation) // Polnoe sobranie sochinenij. Vol. 45. Moscow: Politizdat, 1970. (In Russian).
12. Lenin V. I. Novaja jekonomicheskaja politika i zadachi politprosvetov Doklad na II vserossijskom s#ezde politprosvetov 17 oktjabrja 1921 g. (New Economic Policy and Tasks of the Political Enlightenment Report at the II All-Russian Congress of Political Enlightenment October 17, 1921) // Polnoe sobranie sochinenij. Vol. 44. Moscow: Politizdat, 1970. (In Russian).
13. Lunacharskij A. V. Obrashhenie narodnogo komissara po prosveshheniju 29 oktjabrja 1917 g. (Appeal of the People's Commissar for Education October 29, 1917) // Narodnoe obrazovanie v SSSR. Obshheobrazovatel'naja shkola. Sbornik dokumentov. 1917–1973 gg. Moscow: Pedagogika, 1974. P. 8. (In Russian).
14. Molostova E. S. Modeli «Novogo cheloveka» v sovetskij period: podstupy k transgumanizmu (Models of the «New Man» in the Soviet Period: Approaches to Transhumanism) // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Filosofija. Sociologija. Pravo. 2014. Issue. 28. No. 9. P. 168–175. (In Russian).
15. Novikov S. G. proektirovanie «novogo cheloveka» v sovetskoj Rossii 1920-h godov (The «New man» projecting in Soviet Russia in 1920-s) // Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika. Vol 1. 2019. No. 1(57). P. 161–174. (In Russian).
16. Slepuhin V. V. «Novyj» chelovek v sovetskoj kul'turnoj politike 1920–1930-h godov (The «New» Man in the Soviet Cultural Policy of the 1920s–1930s) // Kul'tura i civilizacija. 2017. Vol 7. No. 5A. P. 604–609. (In Russian).
17. Soboleva A. N. Formirovanie obraza geroja i obraza vruga u sovetskoj molodezhi v 1920–1930-e gg. (Formation of the image of a hero and the image of an enemy among Soviet youth in the 1920s – 1930s) // Politika i Obshhestvo. 2017. No. 10. P. 37–46. (In Russian).
18. Fisheva A. A. Koncept «novogo cheloveka» v sovetskoj social'noj politike 1920-h godov (The concept of the «new man» in the Soviet social policy of the 1920s) // Nauchnotekhnicheskie vedomosti. SPbGPU. Gumanitarnye i obshhestvennye nauki. 2019. Vol. 10. No. 1. P. 37–46. (In Russian).
19. Cirkuljar CK. RKP(b) «Vosstanovlenie izb-chitalen» (Circular of the Central Committee. RCP(b) «Restoration of reading rooms») // Pravda. 1922. May 30 (No. 118). (In Russian).

Сведения об авторах

Булыгина Тамара Александровна – доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / bul.tamara2011@yandex.ru
 Адрес: д. 1, ул. Пушкина, 355017, г. Ставрополь, Российская Федерация.

Романова Нина Васильевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России гуманитарного института Северо-Кавказского федерального университета / history_d03@mail.ru
 Адрес: д. 1, ул. Пушкина, 355017, г. Ставрополь, Российская Федерация.

Information about the authors

Tamara A. Bulygina – Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / bul.tamara2011@yandex.ru
 The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.

Nina V. Romanova – PhD in History, Associate Professor, Chair of Russian History, Institute of Humanities, North-Caucasus Federal University / history_d03@mail.ru
 The address: 1, Pushkin st., 355017, Stavropol, Russian Federation.